

н а т а л ья
АЛЕКСАНДРОВА

Дело велит: Надежда Лебедева

И страшно
даже подумать,
что находится
в этом чемодане...

Чемодан
с видом на Карибы

Наталья Николаевна Александрова

Чемодан с видом на Карибы

Серия «Детектив-любитель Надежда Лебедева»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=126105

*Чемодан с видом на Карибы : [роман] / Наталья Александрова: АСТ,
АСТ МОСКВА; Москва; 2010
ISBN 978-5-17-062226-9, 978-5-403-03345-9, 978-5-17-061528-5,
978-5-403-03346-6*

Аннотация

Детектив-любитель Надежда Лебедева не ищет приключений на свою голову. Они сами ее находят. Вот и на сей раз: села в маршрутку и – раз! – попала в аварию. Она уцелела, но соседу стало плохо, и перед тем как полностью отключиться, он попросил отнести в нужное место его чемодан...

И как же Надежда пожалела о своей отзывчивости!

Хозяйка квартиры, куда она принесла чемодан, убита, а сам владелец чемодана бесследно исчез. И страшно даже подумать, что находится в этом чемодане...

Книга также выходила под названием «Чемоданчик Пандоры».

Содержание

Наталья Александрова

4

Конец ознакомительного фрагмента.

78

Наталья Александрова

Чемодан с видом на Карибы

Маршрутное такси остановилось возле автобусной остановки, чтобы высадить пассажира. Пока солидная дама спускалась по ступенькам, подобрав полы длинной шубы, с разных сторон подскочили к машине трое – маленький мужичок потертого вида и молодая пара.

– Мест нет! – закричал водитель. – Одного только могу взять!

Малорослый мужичок с сумкой через плечо обрадованно полез в салон.

– Куда прешь? – заорал парень и оттолкнул мужичка. – Женщину вперед пропусти!

– Вас же все равно двое, – запротестовал мужчина, – а место одно.

– Мы ждать не можем, нам в больницу надо! – заявил парень. – Сказано – отвали!

Ответное замечание его собеседника насчет того, что в больнице этим двоим нужно лечить голову, потонуло в шуме работающего мотора. В салоне маршрутки парень огляделся и пристроил девушку на свободное место. Она откинула капюшон куртки, и стало видно, что она совсем молоденькая, только выглядит очень плохо – под глазами синяки, тусклые

волосы растрепаны...

Машина двигалась рывками, парня качнуло, и он едва не сел на колени тетке в синей шляпе с кокетливым бантиком.

– Осторожнее! – недовольно сказала она. – Подождать, что ли, не могли. Теперь будете всем мешать...

– Нам ждать некогда, жену рожать везу! – громогласно заявил парень.

– Опа! – удивился коренастый дядька с переднего сиденья. – Что ж ты, паря, на маршрутке-то? Такси не мог взять?

Девчонка расстегнула куртку, и стал виден большой живот. По виску ее стекала капля пота.

– У меня на такси денег нету! – огрызнулся парень.

– Тогда рожать не надо! – тут же отозвалась другая тетка, в желтом вязаном берете. – Видано ли дело, самим жить не на что, а они еще ребенка сделали!

– Не твое дело! – ответил будущий папаша. – Сами со своими детьми разберемся!

Тут поднялся форменный гвалт. Тетка в берете кричала, что все они такие, сами родят – дурацкое, мол, дело нехитрое, – а потом родителям подсунут и гуляют в свое удовольствие. Чувствовалось, что у нее наболело. Дама в синей шляпе во всем с ней соглашалась. Дядька с переднего сиденья гудел что-то неодобрительное, остальные пассажиры комментировали события каждый по-своему. Только двое не принимали участия в общей перепалке. Будущая мама сидела, напряженно прислушиваясь к тому, что происходит у нее внут-

ри, вид у нее был очень испуганный. Вторым молчащим человеком была Надежда Николаевна Лебедева. В глубине души она была согласна с теткой в желтом берете, что если денег нет, то самое умное – это подождать с ребенком. Но вслух заявлять о своем мнении не спешила – и так вон какой гвалт кругом стоит.

Девчонка вдруг взвизгнула, перекрывая общий гул, и схватилась за живот.

– Больно! – крикнула она. – Витя, больно!

– Чем тебе Витя-то поможет? – рассердилась тетка в желтом берете. – Родит за тебя, что ли?

– Ой, мамочки! – Витя испугался больше жены. – Чего делать-то?

Девчонка вдруг завопила и в полном ужасе уставилась себе под ноги.

– Да у нее же воды отошли! – выдохнула «синяя шляпа». – Сейчас родит!

– Граждане! – заорал водитель. – Что у вас там происходит?

– Рожает у тебя пассажирка, вот чего! – рывкнул мужик с переднего сиденья. – Щас принимать будем!

– Едрён батон! – заорал водитель. – Вы что ж это делаете в салоне, так вас всех?

– Езжай в роддом скорее! – сказал мужик. – Может, успеем!

Какая-то девица внезапно истерически закричала, что ей

нужно выйти вон на том перекрестке. Водитель огрызнулся, что нужно заранее предупреждать, чтобы он перестроился в левый ряд. Беременная снова крикнула, лицо ее перекопилось, как будто что-то разрывает ее изнутри.

– Потуги начались! – авторитетно высказалась «синяя шляпа». – Теперь уже недолго!

– Да что же это такое! – плачущим голосом воскликнул водитель. – За что мне такое наказание? Ведь всю машину изгадит!

– Да о чем вы говорите? – не выдержала Надежда. – Тут о ребенке думать нужно! Ведь роды некому принять, не дай Бог что случится!

Будущий папаша, услышав Надежду, взвыл от ужаса.

– Все! – грянул мужик с переднего сиденья. – Всем заткнуться и слушать меня! Ты, – он повернулся к водителю, – дуй что есть мочи к роддому, тут уже недалеко осталось. Да гляди на дорогу, а не назад, а то не ровен час в аварию попадем! Не останавливаться и никого не выпускать, время дорого! Ничего, он нас потом обратно доставит! Ты, – сказал он парню, скорчившемуся на ступеньках, – кончай выть, жёну вон до смерти перепугал! Вы все молчите, – это пассажирам, – а она пускай орет, если уж совсем плохо. Все!

Надежда посмотрела на дядьку с уважением, остальные пассажиры притихли. Водитель понял, что ему ничего не остается, как подчиниться приказу. Маршрутка понеслась по проспекту. В салоне стало тихо, только девчонка вздра-

гивала и стонала. Вот снова ее перекосило, и тетка в берете сказала:

– Потерпи, милая, вон уже роддом виден, даст Бог, все обойдется...

И сглазила. Не то водитель оглянулся на роженицу, не то просто был невнимателен от расстройства, не то не сумел вовремя затормозить... Точнее, не успела затормозить машина впереди, а их водитель тормознул резко и врезался машине в зад. Но не сильно, потому что удара почти не было, только пассажиры попадали на пол.

Маршрутка встала. Водитель матерился. Дядька на переднем сиденье совершенно не пострадал, даже не упал, поскольку сидел спиной к движению. Он поднял несчастную роженицу, она была бледна и тяжело дышала.

– Девушка, ты как? – осведомился дядька. – Скажи что-нибудь...

Внезапно она обмякла в его руках и стала заваливаться набок.

– Батюшки! – ахнул дядька. – Выносить ее нужно скорее!

Однако дверь от удара заклинило, сумели ее открыть только сантиметров на двадцать.

– Вылезай! – сказал дядька будущему папаше. – Ты худой, пролезешь. Беги в больницу, пускай сразу с носилками придут. А мы пока тут дверь постараемся открыть.

Пассажиры с оханьем и стонами рассаживались по сиденьям. Кажется, никто не пострадал, если не считать синяков

и ссадин.

Надежда огляделась по сторонам. Сама она отделалась легким испугом, даже куртку не запачкала. Над потерявшей сознание роженицей хлопотала тетка в желтом берете. Остальные пассажиры пытались своими силами открыть дверь. Водитель опомнился и выскочил наружу, чтобы помочь. И в это время Надежда заметила, что ее соседу явно плохо. Сосед этот, сидящий у окна, до этого никак себя не проявлял – не вмешивался в скандал, даже не пытался вытянуть шею, чтобы разглядеть роженицу. Он отвернулся к окну и сидел тихо как мышка, прижимая к себе портфель.

Сейчас Надежда отметила нездоровую бледность, испарину на лбу и встревожилась. Мужчина полулежал на сиденье в неестественной, расслабленной позе, кажется, он был в обмороке. Глаз не было видно из-под очков с тонированными стеклами, тогда Надежда аккуратно сняла очки. Так и есть, глаза у мужчины были закрыты.

– Эй! – тихонько сказала Надежда Николаевна и потрогала мужчину за плечо. – Очнитесь!

Тот никак не отреагировал. Надежда испугалась и попыталась прослушать пульс. То ли она действовала неумело, то ли пульс и вправду был очень слабый, но Надежда вообще ничего не услышала. Кажется, в таких случаях подносят к губам больного маленькое зеркальце... Надежда сунула руку в сумку. То есть хотела это сделать, но сумки на месте не оказалось. Нашла ее Надежда на полу, кто-то в суматохе на-

ступил на нее. Внутри все мелочи были в самом плачевном виде, а пудреница раскололась на мелкие кусочки. Надежда расстроилась: уж лучше бы это был тюбик помады, цвет ей все равно не нравился, а вот пудра как раз была дорогая, французская... Но она тут же призвала себя к порядку – нашла о чем печалиться, хорошо, что все живы, могло быть гораздо хуже.

С зеркалом ничего не вышло, тогда Надежда весьма ощутимо хлопнула потерявшего сознание мужчину по щеке. Тот мотнул головой, Надежда хлопнула по второй, и пострадавший открыл глаза.

– Что у вас болит? – склонилась к нему Надежда. – Сейчас врачи подойдут, помощь окажут...

– Послушайте... – он поморщился, оттого что пытался крутить головой, – вы должны выполнить мою просьбу...

«Бредит! – поняла Надежда. – Видно, здорово его зацепило».

Мужчина поднял руку и потрогал голову, потом застонал, рука его бессильно упала. Надежда оглянулась по сторонам и заметила со стороны мужчины между окнами железное крепление. При большом невезении мужчина вполне мог об эту штуку удариться головой.

«Сотрясение мозга, наверное, – сочувственно подумала Надежда, – от него часто бред бывает...»

– Мне больше не к кому обратиться, – прошелестел мужчина, – я сейчас снова потеряю сознание. Вы должны мне

помочь... это очень важно... я вижу, что вы порядочный человек...

– Вы только не волнуйтесь и не тратьте зря силы, – посоветовала Надежда, – сейчас санитары подойдут, вам помощь окажут...

– Да подождите вы! – Мужчина попытался повисить голос, но из горла его мог вырваться только шепот. – Пока я в полном сознании и не брежу. Я вас прошу, вы должны передать этот чемодан по указанному адресу.

Тут Надежда обратила наконец внимание на чемодан. Скорее, это был не чемодан, а кейс – дорогой, тисненой кожи, вишневого цвета.

– Это нужно сделать как можно скорее, это вопрос жизни и смерти! – выдохнул мужчина. – Запоминайте адрес: улица Комиссара Фиолетова, дом семнадцать, квартира шесть. Спросить Катю. И сказать ей пароль: Конотоп. Запомнили? Конотоп!

«Точно, он голову ушиб! – в испуге подумала Надежда. – Какая Катя? Какой Конотоп?»

– Обещайте мне, что сделаете все! – Мужчина с неожиданной силой схватил Надежду за руку. – Это очень важно!

Надежда отвлеклась на минутку и заметила, что к автобусу подбегают санитары с носилками наперевес, за ними поспешает женщина в белом халате и еще двое с носилками. Дверь удалось открыть, и теперь роженицу осторожно передавали санитарам. Ее муж суетился и всем мешал.

– Тут еще человек ранен! – крикнула Надежда и попыталась выдернуть свою руку из руки пострадавшего.

Но тот не отпуская и смотрел умоляюще. Надежда оглянулась. Маршрутка ехала к роддому и остановилась неподалеку. Однако чуть подальше была и больница, надо думать, туда и отвезут пострадавшего. Больница эта, номер сорок семь, пользовалась в народе не слишком хорошей славой. Надежда знала, что туда привозят всех по «скорой», а это контингент всякий. Может и приличный человек туда попасть в результате аварии или если машина на улице собьет, а в основном в сорок седьмую больницу попадают сомнительные личности, которые не поделили, к примеру, бутылку водки и получили этой самой бутылкой по голове в результате спора. Соответственно и низший обслуживающий персонал в больнице оставляет желать лучшего. Про врачей и сестричек Надежда плохого не скажет, не дай Бог такую работенку, а вот нянечки и санитары вполне могут быть нечисты на руку. Кейс же из дорогой натуральной кожи и сам по себе выглядит солидно, невзирая на его содержимое. Но пострадавший больше всего беспокоится о содержимом портфеля, стало быть, оно очень ценное, и нельзя оставлять портфель на произвол судьбы. Улица Комиссара Фиолетова тут недалеко, можно пешком дойти или на автобусе две остановки, так что Надежда вполне может успеть туда заскочить. И сделает таким образом доброе дело, а то человек вон как переживает.

– Не волнуйтесь. – Надежда низко склонилась к мужчине

и тихо сказала ему прямо в ухо. — Я все сделаю. Улица Фиолетова, дом семнадцать, квартира шесть, спросить Катю.

— Конотоп... — прошептал мужчина.

— Ну да, Конотоп, — согласилась Надежда.

— Кто вы? — спросил мужчина; чувствовалось, что ему очень плохо и разговоры даются с трудом. — Запишите мне ваши координаты...

Надежда уверилась, что мужчина не бредит, раз уж он сообразил, что нужно спросить у женщины, которой доверяешь ценную вещь, как ее зовут и где она живет. Она записала на листочке свое имя и телефон, и тут как раз подъехала машина «скорой помощи», вызванная из сорок седьмой больницы, и потерявшего сознание пострадавшего увезли. Глядя вслед машине, Надежда спохватилась, что она так и не успела спросить его фамилию.

Уже появились возле маршрутки две машины — милиция и ГАИ, водители давали объяснения, а дядька с переднего сиденья обстоятельно рассказывал милиции, как все случилось. Ему вторила тетка в желтом вязаном берете. Остальные пассажиры с тоской поглядывали по сторонам, им хотелось поскорее закончить неприятную процедуру и пойти по своим делам.

Надежда вылезла из маршрутки последней. На нее никто не смотрел, она осторожно сделала шаг в сторону, укрылась за автобусной остановкой, перебежала дорогу, нырнула в проход между домами и пошла спокойно, уверившись, что

никто и не думает ее останавливать.

Прежде всего нужно было подумать о собственных делах. Надежда не просто так каталась в маршрутке, она ехала по делу. Неподдалеку от больницы располагалось ателье ортопедической обуви, и Надеждина тетка давно уже заказала там себе ботинки. Сама она порывалась за ними приехать вот уже месяц, но поскольку была женщиной пожилой и нездоровой, то Надежде совесть не позволяла отпустить ее через весь город одну. И тогда получалось бы, что сначала нужно ехать к тетке и брать ее на буксир, а потом вместе тащиться за ботинками, после чего волочить тетку с ботинками назад. Тетка была ужасно упряма и ни за что не позволила бы Надежде тормознуть частника – это, мол, лишняя трата денег. Не согласилась бы она и на то, чтобы Надеждин муж Сан Саныч в субботу отвез ее в ателье на машине. Он-де много работает, говорила она, и в выходные дни должен отдыхать, а не развозить старух по их делам. Надежда не могла не согласиться с такой постановкой вопроса, а тетка тут же добавляла, что если Надежда занята, то она сама все сделает, то есть пользовалась самым обычным шантажом. В общем, Надежда все откладывала поход за чертовыми ботинками, но наконец сдалась. И вот сейчас она шла между домами к тому самому ортопедическому ателье.

Ботинки выдали по квитанции сразу же, но они оказались ужасно громоздкими, Надежда с сомнением покачала головой, думая, что тетке они не понравятся. Теперь вплот-

ную встал вопрос о наличии третьей руки, поскольку в одной руке никак не удержать было кейс и коробку с ботинками. Еще у Надежды была своя собственная сумка, довольно объемистая. Вешать ее на плечо – нашли дурочку, этак запросто упрут. Не далее как вчера видела она на улице, как какой-то паршивец на роликах сдернул у девчонки с плеча сумочку, на ходу распотрошил, вытащил кошелек и мобильный телефон, а сумку бросил через двадцать метров в лужу. Так что, выйдя из ателье, Надежда тотчас же купила в ларьке белый непрозрачный пакет с надписью «Севзапмолоко». Пакет привлек ее своими размерами, туда запросто можно было упихать средних размеров слона. Вошли туда и кейс, и коробка с ботинками. Надежда приободрилась и зашагала к нужному дому на улице Фиолетова пешком, потому что автобусов не было, а на маршрутках она сегодня наездила на всю оставшуюся жизнь.

Дом номер семнадцать по улице Фиолетова оказался самым обычным, сталинским. Когда-то считался он неплохим, но сейчас, судя по облупившейся штукатурке и едва не отваливающимся балконам, был не на хорошем счету. Дом был угловой, фасадом он выходил на улицу Фиолетова, а торцом – в переулок. Был у дома двор, отгороженный от улицы чугунной решеткой. Ворота, однако, были распахнуты настежь, и, судя по насквозь проржавевшим петлям, очень давно не запирались.

Надежда Николаевна оглядела двор.

Двор как двор, посредине – чахлый скверик, кусты, еще не подающие признаков жизни, деревянная горка, детская песочница, полная мусора, окурков, мятых банок из-под пива. Обычные весенние радости. Возле подъездов припарковано несколько машин. Одна – темно-зеленая, с тонированными стеклами – стоит наособицу. Поблизости – скамейка, на ней жмутся старухи. Холодно, но общаться хочется, вот и не расходятся по домам.

Надежда ничего спрашивать не стала, проскользнула мимо них тихонько и самостоятельно прочитала номера квартир на табличке возле подъезда.

Ей повезло, нужная квартира попалась сразу, да еще и шла первым номером, то есть располагалась на первом этаже, так что не придется взбираться по лестнице. Можно считать, повезло.

Однако на этом везение закончилось.

Надежда вошла в подъезд, но не успела пройти короткий лестничный марш, который вел к площадке первого этажа, как дверь ближней квартиры резко распахнулась, и из нее выскочила молодая женщина. Женщина была какая-то встрепанная, вид был такой, будто за ней кто-то гонится. Скромное драповое пальто распахнуто, но не от того, что женщине жарко, а просто не успела застегнуться. Шелковый платочек зацепился за пуговицу и летел сзади. Женщина прижимала к груди сумочку, как будто в ней было самое

ценное, что у нее есть, и смотрела перед собой расширенными глазами.

Надежда прочитала на двери номер квартиры – тот самый, шестой, который ей был нужен – и бросилась навстречу взволнованной незнакомке.

– Вы отсюда? – задала она глупый вопрос.

Женщина посмотрела на Надежду диким взглядом и неуверенно кивнула – как будто сама не знала, отсюда ли она. Опасливо покосившись на Надежду, отвернулась и торопливо закрыла дверь квартиры.

– Конотоп, – вполголоса проговорила Надежда, понимая, что выглядит полной идиоткой.

– Что? – переспросила незнакомка, еще больше округлив свои безумные глаза, и попыталась пройти мимо Надежды.

– Конотоп, – повторила Надежда, упорствуя в своем идиотизме и стараясь в то же время сохранить уверенный и независимый вид. При этом она невольно преграждала молодой женщине дорогу к выходу. Та смотрела отстранено, как будто не слышала, а если слышала, то не понимала.

– Вы Катя? – задала наконец Надежда вполне естественный вопрос.

Женщина помотала головой, протиснулась мимо нее и припустила вниз.

– А Катя дома? – крикнула Надежда вслед, но не получила ответа.

Дверь подъезда с грохотом захлопнулась.

Надежда Николаевна пожала плечами, повернулась к двери и нажала на кнопку звонка. Трель громко раскатилась за дверь, но никакого ответного движения не произошло. Надежда позвонила еще несколько раз – резко, требовательно, – и снова никакого результата.

– Черт знает что! – сказала Надежда и посмотрела на дверь, рассчитывая на ответную реакцию.

Но дверь держалась индифферентно, то есть делала вид, что она уж точно тут ни при чем. Надежда задумалась. Имеет ли смысл расспросить старушек на скамеечке на предмет местонахождения неизвестной Кати? По всему выходило, что не имеет, поскольку старухи чрезвычайно любопытны, привяжутся с расспросами, и Надежда, сама того не желая, может разболтать им лишнее. Что-то подсказывало ей, что раненый мужчина, пославший ее отнести чемодан Кате, был бы не слишком доволен, если об этом узнали посторонние люди.

Надежда тяжело вздохнула и направилась к выходу. В конце концов, она сделала все, что могла, для этого странного человека из маршрутки, и не ее вина, что никого не оказалось дома.

Спускаясь по ступенькам, она увидела на полу какую-то маленькую книжечку. Нагнулась, подняла. В ее руке было удостоверение в голубой дерматиновой корочке, точнее, пропуск. Раскрыв его, Надежда увидела фотографию, несомненно, той самой женщины, с которой только что столкну-

лась в дверях. Только на этой фотографии незнакомка была еще моложе и у нее было совсем другое выражение лица – выражение радостного ожидания и предчувствия чего-то хорошего и удивительного, казалось, что эта девушка верит, что сейчас вылетит та самая птичка, которую обещают детям старые фотогафы.

А сейчас, точнее минуту назад, девушка явно ничего хорошего от жизни не ждала. Надежда отчетливо поняла, что на лице ее был страх. Дикий, безумный страх... именно страх так округлил глаза незнакомки. Впрочем, уже не совсем незнакомки – Надежда Николаевна прочла в пропуске, что девушку зовут Верой Алексеевной Зайцевой и она является сотрудницей музея И.И. Панаева. Кто такой Панаев, Надежда помнила весьма смутно – кажется, был такой русский писатель, друг и соратник Некрасова, у которого Некрасов по дружбе увел жену.

Надежда Николаевна поэта Некрасова не любила. Вот не лежала у нее душа к его стихам, не нравились они ей. Все эти причитания по поводу русской долюшки женской и про крестьян, которые пошли, солнцем палимы, казались ей фальшивыми, а сами стихи совершенно неинтересными.

Тут, кстати, вспомнился ей один случай, который произошел в их школе на экзамене по литературе много лет назад. В параллельном с Надей классе учился некий Витька Самока-тов. Известен по всей школе он был тем, что терпеть не мог литературу. Из печатного слова он признавал только зару-

бежную фантастику да еще братьев Стругацких, всех остальных писателей, включая Льва Толстого и Достоевского, называл занудами. Поскольку в физике и математике Витька соображал весьма прилично и собирался даже поступать в университет, то литераторша покорила неизбежному, понимая, что Витьку ей не переубедить. Вся школа знала, что сочинения за Витьку пишет Леночка Постникова – за просто так, по доброте душевной. Леночка вообще никому не могла отказать в помощи, а уж Витька-то был до того настырный, что отвязаться от него не было никакой возможности.

Однако на выпускном экзамене по литературе гром все-таки грянул. По закону подлости Витьке достался билет, где предписывалось рассказать о творчестве поэта Некрасова и прочитать наизусть отрывок из его поэмы «Кому на Руси жить хорошо». Если про Некрасова Витька слышал на уроках краем уха, тогда, когда читал под партой Клиффорда Саймака и Роберта Шекли, то ни строчки из чертовой поэмы не засело в его голове. Единственное, что он помнил, – что поэма эта про сельскую жизнь, что там то пашут, то сеют, то убирают урожай. А еще возят дрова и ухаживают за скотиной.

Витька был парень толковый и решительный, он не стал опускать руки и биться головой о стену. Он взял чистый листок бумаги и уединился на последней парте, сообщив комиссии, что отвечать будет самым последним. За сорок минут Витька самостоятельно сочинил отрывок из поэмы

Некрасова. Рассказывалось в нем про косьбу, и начинался он задушевными словами: «К старости силушки меньше становится...» Далее в нескольких строфах Витька живописал, как тяжела работа косаря. Витька сохранил размер и интонацию, пока писал, выучил текст наизусть и прочитал его громко и с выражением.

Комиссия, состоявшая из старенькой географички, тетки из роно и литераторши, приняла Витькин ответ благосклонно. Географичка задремала под равномерные раскаты Витькиного голоса, тетка из роно была в полной уверенности, что все идет как надо, она если и читала поэму, то лет тридцать назад, так что ничего не помнила, а литераторша, конечно, все поняла, но решила не брать на душу педагогический грех и не портить парню аттестат.

Что же это за поэт, каждый раз думала Надежда, вспоминая эту историю, если абсолютно не знающий литературы Витька Самокатов в течение сорока минут мог сочинить отрывок из его поэмы? Небось с Пушкиным у него такой номер не прошел бы!

* * *

В данный момент особенно задумываться о нравах прогрессивных русских литераторов девятнадцатого века было некогда – Надежда Николаевна прибавила шагу, чтобы догнать рассеянную девицу и вернуть ей пропуск, но когда она

вышла из подъезда, той и след простыл. Двор был все такой же, так же жались друг к другу старухи на лавочке, так же стояла чуть в стороне от других темно-зеленая машина. Надежда пригляделась внимательно, отметила, что левый задний фонарь у машины треснул и что на месте водителя кто-то сидит. На душе стало как-то тревожно. Ужасный двор, не зря девица поспешила отсюда убраться, да так быстро, что не заметила потерю пропуска.

«Сама виновата, – подумала Надежда Николаевна, – нечего документы разбрасывать!»

Впрочем, она решила, что позднее обязательно найдет этот самый музей И.И. Панаева и отдаст пропуск вахтеру. Это такая возня – восстанавливать пропуск, Надежда отлично помнила по своей прошлой работе. Но она сделает это позднее, не сегодня, потому что сейчас ей нужно срочно ехать домой, а то скоро вернется муж, а к его приходу Надежда непременно должна быть дома. Не то чтобы муж Надежды Сан Саныч был деспот и тиран, просто он много работал, очень уставал, и Надежда считала своим моральным долгом встретить его с работы и немедленно окружить теплом и уютом.

Муж у нее был второй, жили они с ним душа в душу, но благополучная семейная жизнь, как известно, требует большого труда, причем в особенности от женщины, которую недаром называют хранительницей домашнего очага.

Так что Надежда Николаевна, отложив все остальные де-

ла на завтра, устремилась домой, чтобы подбросить в этот самый семейный очаг парочку поленьев. Пакет с портфелем и ботинками всю дорогу оттягивал руку, но «Севзапмолоко» не подвело, ручки не порвались.

К счастью, мужа дома еще не было, из домашних присутствовал только кот Бейсик замечательной рыжей породы. Кот потерялся о ноги хозяйки, негромко мурлыкнул и посмотрел ей прямо в душу своими изумрудными глазами. Этим взглядом он хотел сказать, что не дело бросать древнее благородное животное в одиночестве на целый день и что раз уж вы завели такого исключительного кота, то нужно о нем заботиться, что коту нужно не только полноценное трехразовое питание, но еще и общение...

Еще многое хотел сказать Бейсик своим взглядом, но Надежде было некогда: муж должен был прийти с минуты на минуту и нужно было срочно готовиться к его приходу. Поэтому она осторожно обошла кота, бросила под вешалку пакет с чужим кейсом и забыла о нем до завтрашнего дня.

Вера вылетела во двор и припустила куда глаза глядят. Она была в ужасе.

Ее жизнь, совсем недавно такая спокойная, благополучная, можно даже сказать – счастливая, не просто дала трещину. Она на глазах с отвратительным скрежетом разваливалась на мелкие куски, как проржавевшая баржа, напорováшаяся на коварную подводную скалу.

А ведь еще совсем недавно, только сегодня утром, все было так замечательно!

Ну, пусть не замечательно, но по крайней мере все было так привычно, спокойно...

У нее был муж – такой любимый, такой надежный... Она смотрела на него преданными круглыми глазами и думала, как ей удивительно повезло, что такой яркий, замечательный мужчина обратил на нее внимание. На нее, бесцветную, обыкновенную...

По утрам, конечно, некогда было расслабляться и думать, как она счастлива, семейная жизнь требовала полной отдачи. Нужно было встать пораньше, приготовить завтрак и обязательно положить Олегу в ванную чистое полотенце и белье. На завтрак Олег никогда не ел бутерброды, он говорил, что это вредно для здоровья и что бутерброды – не еда для женатого мужчины. Поэтому утро всегда начиналось для Веры с мучительных раздумий. Сосиски он ненавидел, когда она единственный раз сварила кашу, очень удивился: что я, грудной что ли, – а яйца ведь не будешь есть каждый день.

Сегодня Вера сделала ленивые вареники с творогом, и Олег съел все с аппетитом. Пока он ел, Вера сварила кофе и налила мужу большую чашку. Сама она кофе никогда не пила – ей даже запах его не нравился, но ради мужа научилась его варить вполне сносно.

Конечно, она провозилась долго, и времени на то, чтобы наложить макияж, уже не осталось. Олег прав, она ужасно

несобранная. Вот он, например, все всегда успевает. Вера нравилось смотреть, как он выходит из дома – чисто выбритый, аккуратный, пахнувший дорогим одеколоном, Вера сама подарила его мужу на прошлый Новый год.

Ай, да ладно, Бог с ним, с этим макияжем, можно подумывать, что от него Вера сильно похорошеет! Вера наскоро накрасила губы розовой помадой и охнула, посмотрев на часы. Муж допивал кофе и просматривал газету «Коммерсант». Проходя мимо, Вера ласково провела рукой по светлым волосам.

– Да, малыш, – рассеянно сказал муж, – я сегодня задержусь, приду попозже... После обеда поеду в смежную фирму, там важное совещание, боюсь, не скоро договоримся, придется решать вопросы допоздна...

– Работник мой! – Вера хотела поцеловать его в затылок, но вовремя вспомнила, что у нее на губах помада.

Вера очень удачно втиснулась в переполненный автобус и полностью сосредоточилась на своих рабочих проблемах.

Кто-то может подумать, что ей, сотруднице маленького литературного музея, на работе совершенно нечего делать. Даже Олег, в остальном очень заботливый и внимательный (по крайней мере время от времени), иногда удивленно спрашивал Веру: «Ну зачем ты так несешься на свою работу? Что там без тебя стрясется? Кто-нибудь украдет пуговицу от штанов Панаева или зубочистку его друга Скабичевского?»

Даже муж не понимал, как много у нее было забот, чего

уж ждать от посторонних людей! Когда Вера встречалась со своими бывшими одноклассниками и говорила, где работает, они смотрели на нее с откровенной жалостью. Особенно если она добавляла, сколько ей платят. Но ей нравилась эта работа! Она считала, что кто-то ведь должен бережно сохранять отечественную историю! И она старалась делать свою работу ответственно. А как известно, именно на таких людей все взваливают.

Вот и теперь на нее взвалили все хлопоты по подготовке к выставке, посвященной годовщине Авдотьи Панаевой.

Сама Вера не уважала Панаеву. Она считала ее безнравственной женщиной. Ведь Авдотья Яковлевна бросила своего мужа, Ивана Ивановича. Да еще ушла не к кому-нибудь, а к его близкому другу Некрасову. Такая измена и сама по себе казалась Вере отвратительной, а учитывая то, что брошенным мужем был тот самый писатель Панаев, чьей жизнью занималась Вера... но из песни слова не выкинешь, и выставка уже стояла в планах музея.

Сегодня Вера должна была сделать очень много: подготовить буклет, афишу выставки, найти рабочего и договориться с ним о развеске экспонатов... Одно это могло занять полдня, потому что музейный рабочий Анатолий, единственный физически развитый мужчина в их организации, очень трепетно относился к своей персоне и избегал всяких попыток загрузить себя работой со стороны музейных дам.

Кроме Анатолия, в музее был еще один мужчина – ин-

валид Казимир Стефанович, мастер-окантовщик, но он не годился ни для какой физической работы, кроме окантовки гравюр, документов и прочих музейных экспонатов. Так что приставать к нему с развеской не имело смысла.

Вера очень удачно перехватила Анатолия на лестнице, где он курил вонючий крепкий «Беломор».

– Здравствуйте, Анатолий Григорьевич! – преувеличенно радостно обратилась к нему Вера.

Тот оглянулся через плечо и буркнул что-то невразумительное, Вера решила посчитать это приветствием.

– А я вот к вам! – сообщила она.

Анатолий развернулся всем корпусом и неприветливо оглядел Веру с ног до головы. Взгляд этот Вере не понравился, потому что в глазах Анатолия она прочла очень нелестное о себе мнение. Вера очень хорошо умела читать по глазам, особенно если это были недобрые глаза. Анатолий посмотрел на нее весьма неласково, если не сказать злобно. Ему очень не хотелось задаром таскать тяжелые ящики, монтировать стенды и развешивать экспонаты.

Как обычно, Вера тут же сникла под сердитым взглядом Анатолия, но, вспомнив о работе, взяла себя в руки. В конце концов, он тоже ей несимпатичен, но работа должна быть сделана в срок.

Анатолий затянулся своим «Беломором» и выпустил дым Вере в лицо. Она едва не закашлялась от вонючего дыма.

– Ну? – спросил наконец Анатолий, убедившись, что хи-

мической атакой Веру не взять.

– Срочно займитесь выставкой Панаевой, – отчеканила Вера, – ящики в подвале в секции четыре.

– Так уж и срочно? – Теперь противный мужик начал вальть дурака. – А что мне за это будет?

– Зарплата два раза в месяц, – любезно сообщила Вера, – согласно ведомости.

– И это зарплата? – грустно спросил Анатолий. – Одни слезы...

Тут Вера была с ним абсолютно согласна, потому что получали они примерно одинаково.

– За срочность надо бы прибавить, – канючил Анатолий.

– С чего? – холодно спросила Вера. – С моих пяти с половиной тысяч? Побойтесь Бога, Анатолий Григорьич, и приступайте к работе.

Он отвернулся и пробормотал что-то типа «курица облезлая», но Вера предпочла не услышать.

После такого продуктивного разговора Вера отправилась в издательский отдел готовить буклет. Черновик текста она написала накануне и носила его домой, чтобы лишний раз просмотреть, поэтому сейчас он лежал у нее в сумочке. Вера открыла сумку, надеясь, что не забыла листочек дома, как с ней бывало уже не раз. Черновик был на месте, но зато в сумке не было ключей от квартиры.

Вера чуть не расплакалась. Собственная забывчивость ее просто убивала. Главное, она вспомнила, что муж сегодня

вернется очень поздно... Что делать? Не сидеть же до глубокой ночи перед дверью! И к соседям не напросишься на целый вечер – у людей свои дела, все заняты... А самое главное: Олег придет домой поздно вечером, усталый и голодный, а дома даже поужинать нечем, Вера как раз собиралась после работы в супермаркет.

Она позвонила мужу на работу, моля Бога, чтобы он еще не уехал по своим делам. Ответила какая-то хамоватая девица и очень неприятным тоном сообщила, что Олег Николаевич обедает.

Вера удивленно взглянула на часы и убедилась, что за бегом и хлопотами действительно подошло обеденное время. Она знала, что Олег обыкновенно обедает в бистро «Мурена» напротив своего офиса, и решила ехать туда, пока не поздно, благо работал муж не очень далеко. Конечно, он не очень любил, когда она отрывала его от дел, да и когда узнает про ключи, конечно, скажет все, что думает о ее несобранности и расхлябанности, но другого выхода не было.

Вера накинула пальто и собралась уже улизнуть потихому, как вдруг навстречу ей попала начальница Анна Ивановна.

– Вы это куда же? – осведомилась она. – Кажется, я вас никуда не отпускала.

– Я по делу. – Вера опустила глаза.

– Какие у вас могут быть дела в рабочее время, хотелось бы мне знать? – закрипела старая гримза.

Грымзой звали начальницу все сотрудники, а Вера еще с

ними спорила, что нехорошо за спиной обзывать пожилого человека и что неизвестно, какие мы будем, если доживем до ее лет. Сейчас Вера посмотрела в маленькие глазки начальницы, которые грозно посверкивали из-за очков, и сказала себе, что такой-то в старости она точно не станет. Уж лучше помереть во цвете лет!

Ужасно не хотелось рассказывать начальнице о своих проблемах, Вера наврала, что идет в подвал помогать Анатолию, и прикрыла сумочку полрой пальто, чтобы Анна ничего не заподозрила. В подвале сумочка Вере точно не понадобится!

Едва переведя дух, Вера поймала частника и уже через пятнадцать минут была возле бистро «Мурена». Только она расплатилась с водителем и хотела выйти из машины, как вдруг увидела Олега, выходящего из дверей бистро.

Вера замерла, широко открыв глаза. Сердце у нее забилось часто-часто и где-то совсем не там, где ему полагается быть.

Олег был с женщиной. Это была высокая брюнетка с короткой зализанной стрижкой и наглыми смеющимися глазами. Причем по его виду, по тому, как Олег вел эту женщину, слегка ее приобнимая, как он ей улыбался, было видно, что это не просто сослуживица, что все очень и очень серьезно.

Вера, конечно, знала, что на свете бывают неверные мужья, что некоторые мужчины совершают ужасные поступки... некоторые, но только не ее Олег! К собственному мужу

Вера относилась с безграничным доверием. Поэтому неожиданное открытие оказалось особенно болезненным.

Вера замерла, не выбравшись из машины, и неотрывно следила за «сладкой парочкой». Произошло именно то, чего она больше всего боялась: они не пошли к офису, а сели в машину Олега и отъехали от тротуара! Куда они едут – можно было только догадываться, но воображение Веры заработало на полную катушку. Вера даже не представляла, какие ужасные картины оно, ее воображение, может создать. Вот Олег в неизвестной квартире хватает наглую брюнетку на руки и тащит в спальню, а она обнимает его за шею и счастливо смеется. То есть нет, счастливо смеется в такой момент сама Вера, а наглая брюнетка смеется злорадно и вызывающе.

Вот Олег бросает брюнетку на кровать, жадно целует ее, срывает одежду, дышит тяжело и страстно, и пахнет от него чем-то звериным, словно в нем проснулся первобытный предок.

Вера прижала руки к груди и едва не застонала в голос. Водитель оглянулся через плечо, недоумевая, отчего Вера не выходит из машины. И тогда она сделала то, на что никогда не считала себя способной. Она опустила обратно на сиденье и скомандовала водителю:

– Поезжайте за этой машиной!

И указала на синий «опель» Олега. Раньше она думала, что следить за мужем – это крайняя степень морального падения. Но это было раньше, это было в другой жизни. За по-

следние пять минут очень многое изменилось, и самое главное – изменилась сама Вера. Сейчас она стала способна на некоторые совершенно невероятные вещи.

– Твой? – спросил водитель, покосившись на пассажирку.

Он-то, конечно, наметанным взглядом уже заметил выходящего из бистро Олега с его спутницей. Вера только молча кивнула. Водитель тяжело вздохнул и поехал за «опелем».

Куда они ехали, Вера не понимала. Она следила только за знакомой машиной и за своими ужасными мыслями, поэтому, когда Олег снизил скорость и въехал во двор, она даже не поняла, в каком районе города находится. Водитель затормозил и вопросительно посмотрел на нее. Вере стало ужасно стыдно перед этим незнакомым человеком.

– Что дальше? – проговорил водитель с каким-то странным выражением.

Если бы сама Вера знала, что делать дальше! Она расплатилась, выбралась из машины и прошла через ту подворотню, в которую только что проехал Олег. Она оказалась в самом обыкновенном дворе – скверик, детская горка, песочница, скамейки... ничего этого она не замечала. Она видела машину Олега, которая стояла возле одного из подъездов, и думала, что делать и как ей жить дальше.

В растерянности, как бы на автопилоте, Вера пошла к тому самому подъезду, возле которого стояла машина, но вдруг опомнилась. Ведь Олег может ее заметить из окна! Она не переживет, умрет от стыда!

Вера метнулась в сторону, моля Бога, чтобы те двое не выглянули в окно. Хотя что это она, только им и дела сейчас, что в окна пялиться, как старухи! Они другим заняты.

Вера почувствовала, как из глаз показались слезы. Хорошо, что утром не успела накрасить глаза, сейчас бы еще тушь потекла... Вера вспомнила сегодняшнее безоблачное утро, как она суежилась на кухне и ничто не предвещало грядущего несчастья. И Олег так спокойно пил кофе и читал газету. И сказал, что он вернется поздно, потому что какие-то важные переговоры на работе...

Он это делает не в первый раз, внезапно поняла Вера. Он давно уже ее обманывает, у него это вошло в привычку. Потому она и не заподозрила ничего плохого, потому что он устраивает эти свои, с позволения сказать, переговоры не реже раза в неделю!

Вере стало ужасно плохо, сердце заколотилось как бешеное, в ушах стоял звон. Нужно было выбираться из этого кошмарного двора, но куда идти? Возвращаться на работу? Вера не могла об этом даже думать. Домой? В их общий с Олегом дом? И ждать там его до полуночи, а потом устроить скандал? Но зачем, что это даст? Вера почувствовала, что если она просидит в своей квартире несколько часов, то к вечеру просто рехнется от переживаний.

И вдруг на нее кто-то налетел.

– Что ли совсем опилась, что на людей налетаешь? – спросил женский голос.

Вера смотрела себе под ноги и не видела говорившую. Но отчего-то голос ей показался знакомым. Перед ней стояла довольно разбитная девица в коротенькой кожаной курточке, отороченной серой норкой, сильно обтягивающих джинсах и сапогах на высоченном каблуке.

– Ой, – протянула девица, – да ведь это же Верка Зайцева! Не узнаешь меня?

Вера тряхнула головой, чтобы сбросить охватившее ее странное оцепенение, и наконец узнала Катю Свиридову, свою одноклассницу, с которой они не виделись много лет. Да, так и есть, с момента окончания школы прошло лет двенадцать, а Катерина как-то сразу же выпала из общего поля зрения, не то замуж вышла, не то уехала в другой город, во всяком случае, отношений с одноклассниками не поддерживала.

– Катя, – сдавленным голосом сказала Вера, – Катюша...

– Так, – протянула Катя, внимательно рассматривая Веру, – что-то ты, подруга, как я замечаю, не того... выпивши, что ли?

Вера молча помотала головой, из глаз ее полились крупные слезы. Катерина, надо думать, сообразила, что Вера не в себе, и спросила более участливо:

– Ты как здесь оказалась?

И тогда Вера, к собственному удивлению, рассказала бывшей однокласснице все про вероломство своего мужа.

– Так, – сказала Катя, выслушав Верину сбивчивую речь, –

и чего ты теперь хочешь? Устроить скандал прямо тут, во дворе? Так не получится. Эти двое уедут спокойненько на машине, а тебя сдадут в милицию. Вон, видела, народная дружина на лавочке сидит? – Она махнула рукой в сторону старух. – Всегда на страже, бдят, как часовые на посту! Они тебе и пикнуть не дадут, сразу же милицию вызовут! Шла бы ты, Вера, домой, там подумаешь, успокоишься малость, отдохнешь, а вечером со свежими силами можно и поругаться с муженьком любимым. Или вообще не нужно. Подумаешь, большое дело!

– Как же? – слабо спросила Вера.

– А так. Сделай вид, что ничего не знаешь, живи как раньше.

– Я так не могу! – Вера замотала головой. – Я просто не знаю, что делать! Катя! – Она схватила подругу за руку. – Можно, я у тебя немножко побуду? Просто с силами соберусь!

– Да понимаешь, сейчас момент неподходящий... – Катя отвела глаза.

– Я все равно не уйду, я должна еще раз это увидеть! – громко сказала Вера, и даже слезы у нее высохли.

– Упертая ты! – Катя досадливо поморщилась. – Говорю же – проще нужно на вещи смотреть! Подумаешь, дело какое – мужик загулял! С кем не бывает...

– Со мной... – тихо сказала Вера, но тут же поняла, что с ней это тоже уже случилось. И не сегодня, а гораздо раньше.

– Говоришь, брюнетка, коротко стриженная, наглая? – спрашивала Катя. – Ну так это, наверное, Анька Севастьянова из девятнадцатой квартиры. У нее мужики не переводятся. Но и надолго не задерживаются. Так что отпустит она твоего Олежка вскорости. Взять с него особо нечего. – Она пренебрежительно указала на синий далеко не новый «опель».

Катя покосилась на старух, которые вытягивали шеи на своей лавочке, и нахмурилась.

– Ладно, пойдем в квартиру, чем здесь попусту маячить.

Квартира у Кати была на первом этаже, идти недалеко.

– Иди в ту комнату и смотри на двор сколько хочешь, – недовольно сказала Катя, – а мне, извини, тебя развлекать некогда.

– Спасибо, я мешать не буду, – пробормотала Вера.

Она села возле окна и уставилась во двор. Она испытывала противоречивые чувства: ей было и неудобно перед Катей, казалось, что одноклассница смотрит на нее, не скрывая насмешки, но в то же время это казалось совершенно не важным, незначительным, а волновало по-настоящему только одно: Олег, та женщина, которая приехала с ним, и то, что они сейчас делают. Ей хотелось убедиться во всем самостоятельно, увидеть подтверждение измены мужа – и одновременно она боялась этого...

Катя ходила мимо, занималась собственными делами и нет-нет да и посматривала на часы с озабоченным видом. Вера понимала, что ее визит несвоевременен, что она мешает

подруге, что у той наверняка есть какие-то дела, но ничего не могла с собой поделать.

Вера невольно прислушалась. Катя в прихожей разговаривала по телефону, вернее, слушала, что скажет ей собеседник, и отпускала отрывистые замечания: «Да!», «Поняла!».

Вдруг она бросила трубку, пробежала по коридору и ворвалась в комнату, где Вера несла вахту у окна, выходящего во двор.

– Дай ручку какую-нибудь записать! – крикнула Катя.

Вера беспомощно развела руками, но Катя уже схватила со стола ручку и выбежала в прихожую.

– Да! – крикнула она в трубку. – Записываю!

Вера прикрыла дверь, чтобы не мешать, и снова уставилась в окно.

Во дворе ничего не происходило. Старухи на скамейке по-прежнему что-то оживленно обсуждали, какой-то мужчина возился со своей машиной да двое подростков гоняли вместо мяча пустую банку из-под пива. Прошел немолодой мужчина с большим, туго набитым пакетом из универсама, пробежала с деловым видом облезлая рыжая дворняжка. Вера испытывала все большую неловкость. Что она делает здесь, в чужой квартире? Следит за собственным мужем! Какой стыд! Она никогда не думала, что может до такой степени опуститься!

Она хотела уже встать, извиниться перед Катей и уйти, как вдруг резко и требовательно зазвонил дверной звонок.

Катя метнулась к двери, вернулась, прошептала:

– Сиди тихо! – и бросилась в прихожую, плотно закрыв за собой дверь комнаты.

Вера услышала звук открывшейся входной двери. Тут же раздался удивленный Катин голос:

– Ты? А я думала...

Ответа не было слышно – видимо, дальнейший разговор вели шепотом или вполголоса. Впрочем, Веру не интересовали Катины дела, она снова припала к окну, боясь увидеть мужа и в то же время боясь его пропустить.

В прихожей слышна была какая-то непонятная возня, потом хлопнула входная дверь, и стало тихо.

Вера некоторое время сидела на прежнем месте, не отводя взгляда от окна, но наконец ей показалось странным, что Катя не возвращается в комнату и вообще не подает никаких признаков жизни. Вера хотела окликнуть подругу, но вспомнила, что та велела ей сидеть тихо, и передумала. А может быть, она просто побоялась нарушить странную, хрупкую тишину.

Она просидела так еще несколько минут. Тишина в квартире стояла неестественная, какая-то гнетущая. Наконец Вера не выдержала.

– Катя! – сказала она вполголоса. – Где ты?

Не услышав никакого ответа, она забеспокоилась еще больше, встала и неуверенно двинулась к двери. Немного не дойдя до нее, остановилась и позвала погромче:

– Катя! Случилось что-нибудь? Ответь!

В ответ снова не раздалось ни звука. Неужели Катя ушла, оставив ее в своей квартире и даже ничего ей не сказав? И что ей теперь делать? Сидеть тут взаперти и ждать?

Вера толкнула дверь и выглянула в прихожую. В первый момент ей показалось, что там никого нет, только на полу лежит что-то странное, бесформенное... но в следующую секунду Вера поняла, что это такое. И хотя весь ее организм усиленно сопротивлялся, Вера сделала еще несколько неуверенных шагов и подошла вплотную к двери.

На полу, перед самой входной дверью, лежала Катя. Она лежала на боку, как будто ее внезапно сморил сон, подтянув ноги к животу и неловко подогнув руку. Вера заставила себя посмотреть вниз. Как утопающий за соломинку, она уцепилась за мысль, что бывшая одноклассница потеряла сознание, упала в обморок... однако, наклонившись, она увидела широко открытые Катины глаза. У живых людей таких глаз не бывает.

И еще Вера увидела растекающуюся на полу под Катей темную лужу. Это была кровь, Катина кровь.

Вера зажала себе рот ладонью, чтобы не закричать. Не из каких-то разумных соображений, не из осторожности, просто ей казалось невыносимым разрушить своим криком гулкую тишину, царящую в квартире.

Она выпрямилась. Такого ужаса ей никогда не приходилось переживать. Все мысли о муже, о его измене мгновенно

улетучились из головы. Улетучились вообще всякие мысли, их место занял первобытный, непереносимый ужас. Остаться здесь, рядом с трупом, рядом с этим неодушевленным предметом, который совсем недавно был Катей, она не могла. Вера била крупная, мучительная дрожь. Она протиснулась к двери, стараясь не прикасаться к Кате и даже не смотреть на нее, взялась за ручку двери и, не глядя, нащарила на вешалке пальто и сумочку. Разумеется, проклятая сумка выскользнула из рук, и содержимое ее рассыпалось по полу. Вера застонала и присела на пол, собирая все мелочи. Она шарилась по полу, стараясь не смотреть в мертвые Катин глаза. Кажется, все на месте.

Руки так тряслись, что не могли справиться с замком. Вера закусилась губу, несколько раз глубоко вдохнула и выдохнула, чтобы унять дрожь, и наконец немислимым усилием открыла дверь. Выскользнула на лестничную площадку... и чуть не закричала от страха.

Навстречу ей поднималась незнакомая женщина средних лет с объемистым пакетом в руке. Самая обыкновенная женщина, даже довольно приятная, но она увидит Веру и запомнит ее, она сможет узнать ее потом... когда Катин труп найдут и станут искать виновного!

– Вы откуда? – спросила эта женщина Веру.

Вера неуверенно кивнула. Она почти не поняла вопроса. В первый момент хотела вернуться обратно в квартиру, но вспомнила, что там, возле двери, лежит Катя, вернее, то, что

совсем недавно было Катей, и поняла, что не сможет снова оказаться рядом с ней.

Она покосилась на приближающуюся женщину и поспешно захлопнула за собой дверь, отрезая себе путь к отступлению.

Женщина поднялась еще на несколько ступеней и вполголоса произнесла какое-то странное слово, кажется, «Конотоп».

Вера была так напугана, что странное поведение незнакомки совсем не удивило ее. Сейчас все было странным, диким, необъяснимым, и не было сил что-то понимать, объяснять себе. Хотелось только одного – скорее убежать как можно дальше, спрятаться, скрыться...

– Конотоп, – еще раз вполголоса проговорила незнакомка и взглянула на Веру так, как будто чего-то от нее ждала.

– Что? – переспросила Вера и попыталась пройти мимо женщины.

– Конотоп, – повторила та еще раз, стараясь преградить Вере дорогу к выходу. – Вы Катя? – задала она наконец хоть сколько-то осмысленный вопрос.

Вера помотала головой, протиснулась мимо нее и припустила вниз.

– А Катя дома? – крикнула женщина вслед Вере.

Но Вера ее уже не слышала, она как ошпаренная вылетела из подъезда и припустила прочь от ужасного дома.

Несколько минут она неслась, не разбирая дороги, – лишь

бы дальше отсюда, от этого страшного места, куда угодно, все равно куда! Но быстрое движение и свежий воздух поне­многу отрезвили ее, она замедлила шаги и наконец задума­лась о том, что делать дальше.

Положение ее было ужасным.

Когда найдут Катин труп – а это произойдет очень ско­ро, – начнут расспрашивать, выяснять, искать и непременно вспомнят ее, Веру. Ее видели старухи во дворе – эти старухи всегда все замечают, а самое главное, ее видела та женщина, которая попалась навстречу. Ведь она-то точно видела, что Вера вышла именно из Катиной квартиры, причем вышла сразу после того, как Катю убили!

Вера иногда читала детективы и знала, что время смер­ти эксперты устанавливают удивительно точно, чуть ли не до минуты. Но что же, что там случилось? Катя открыла ко­му-то дверь, судя по всему, человек этот был ей знаком. Но ждала она кого-то другого, потому что очень удивилась, ко­гда увидела своего визитера. Своего убийцу, уточнила Вера. Катерина велела ей сидеть тихо в дальней комнате и не ме­шать важному разговору. И если бы Вера ее не послушалась, то, возможно, Катя была бы сейчас жива. Возможно, убий­ца испугался бы действовать при свидетелях... Или устра­нил бы этих свидетелей, то есть ее, Веру, так же как и Катю. Кстати, как он ее убил? Выстрела Вера не слышала, так что, наверное, он просто пырнул бедную Катю ножом...

Вера внезапно остановилась. Вот до чего она дошла, со-

вершенно спокойно думает о таких ужасных вещах! И бояться почти перестала, привыкла, наверное. Страх куда-то ушел, уступив место апатии.

Человек привыкает ко всему, ко всему,
Что ни год, получает по письму, по письму.
Это в белом конверте ему пишет зима.
Обещанье бессмертья – содержание письма,

– вспомнила Вера стихи своего любимого поэта. Очень кстати, особенно про бессмертие. Сейчас у нее такое положение, если не жизнь можно потерять, то свободу уж точно!

Вера осознала себя стоящей посреди улицы, и прохожие не натыкались на нее только потому, что улица эта была малолюдной. Нужно взять себе в руки и спокойно подумать о своем положении. Но сначала нужно уйти от этого ужасного дома, где убили Катю, как можно дальше. Она оглянулась по сторонам и прочла табличку на ближайшем доме – улица Комиссара Фиолетова. Кажется, она шла, никуда не сворачивая, так что Катин дом тоже на этой улице. Странно, это совсем не их район. Раньше Катя жила где-то рядом со школой, но за двенадцать лет, конечно, многое может измениться.

Вот она, Вера, с детства жила в одной и той же квартире, сначала с родителями и бабушкой, потом родители развелись, потом мама уехала, потом бабушка умерла... Господи, снова она думает не о том! Олег прав, она ужасно, просто до невозможности несобранная! Вспомнив про мужа, Вера по-

чувствовала вдруг ужасную слабость, колени буквально подгибались. Нужно срочно присесть, иначе она хлопнется в обморок прямо на улице. Сквозь туман перед глазами она увидела вывеску кафе и толкнула стеклянную дверь.

У стойки одуряющее пахло кофе, Вера едва сдержала подступающую тошноту. Она заказала чашку чаю. В ушах стоял звон, и Вера поняла, что это от голода. Сегодня она ничего не ела. Это Олег обожает сытные завтраки, а она рано утром не может проглотить ни кусочка, разве что чашку чаю с сухариком. Сегодня так и было, а обедать она не пошла, потому что поехала за ключами. С них-то и начались все ее неприятности...

Вера попросила еще бутерброд с сыром и фруктовый десерт. Она выбрала самый дальний столик, чтобы туда не доносился запах кофе, долго болтала пакетиком в чашке, так что жидкость стала почти черного цвета.

После чая в голове малость прояснилось, и Вера обрела способность если не соображать, то хотя бы найти ответ на некоторые самые неотложные вопросы. Собственно, вопрос был только один: что делать? Что делать именно сейчас и как поступать потом?

Допив чай, ехать домой? Но она не может этого сделать, у нее же нет ключей от квартиры, вспомнила Вера. Не сидеть же на лестнице до прихода мужа – когда он еще явится...

Не то Вера притерпелась, не то подействовали крепкий чай и еда, но сейчас при мысли об измене мужа сердце уже

не вздрагивало и не хотело разорваться. У Веры теперь были другие заботы, перед глазами стояла мертвая Катя и та тетка, что встретилась Вере на лестнице. Она так внимательно на Веру посмотрела да еще спрашивала про Катю, так что обязательно сумеет описать ее милиции. Значит, нужно ехать на работу и вести себя как ни в чем не бывало. Но тут Вера вспомнила, как она столкнулась перед уходом с начальницей Анной Ивановной и наврала ей, что идет помогать Анатолию. Зловредная тетка уже, наверное, там рвет и мечет, ищет Веру и призывает на ее голову всевозможные несчастья! Ну да ладно, с этой проблемой Вера как-нибудь справится, не в первый раз! Можно остаться подольше на работе, все равно домой не попасть...

Вера достала из сумочки маленькое зеркальце и помаду и машинально отметила, что чего-то не хватает. Сумка у нее была не новая, да и куплена когда-то по дешевке, так что внутри был только маленький кармашек, а все мелочи валялись просто так. Вот носовой платок, вот зеркальце, вот розовая помада, вот кошелек и крошечный блокнотик для записей, вот ручка... Нет пропуска в музей, поняла Вера, тотчас вскочила и принялась обшаривать карманы пальто. Они были пусты.

Случилось самое страшное, поняла Вера, она потеряла пропуск в Катиной квартире. В той самой квартире, где лежит сейчас мертвая Катя и где рано или поздно появится милиция – оперативники, эксперты и проводник с собакой.

«Какая собака, куда она приведет?!» – мысленно закричала Вера. Зачем им собака, если вот же он, пропуск, валяется почти что рядом с трупом в прихожей, а в нем черным по белому написано, кто такая Вера и где она работает. Милиции остается только отправиться в музей и арестовать Веру. И как она объяснит, почему ее пропуск оказался в квартире убитой женщины? Пришла навестить старую школьную подругу? Да они не виделись двенадцать лет, кто в это поверит! Следовательно будет кричать на Веру, запугивать ее, и тогда она признается, что следила за мужем, который ей изменял! Какой стыд!

И потом, она понятия не имеет, как Катя жила после окончания школы, где работала, чем вообще занималась. Может быть, она связалась с преступниками? Ведь недаром убийца был ей знаком! Вера, например, точно знает, что среди ее знакомых нет ни одного убийцы. Хотя... та же начальница Анна Ивановна смотрит иногда таким взглядом, как будто хочет придушить голыми руками.

Кафе понемногу наполнялось народом – люди заканчивали работу. Стало шумно, рядом уселась компания девчонок и затарахтела о чем-то своем. Вера поймала себя на том, что смотрит на них с завистью. Сидят себе, мороженое едят, ни о чем не думают...

Однако пора уходить отсюда, все равно ничего путного в голову не приходит.

Вера долго шла пешком до станции метро, потом долго

ехала до своей остановки, прогулялась по скверу и наконец добрела до собственного дома. На улице похолодало, она насквозь промерзла в своем драповом пальтишке, да еще перчатка порвалась на самом видном месте, так что пришлось снять обе... Вера решила попроситься к соседям хотя бы погреться, а то сил больше нет бродить по улицам. Каково же было ее удивление, когда во дворе она увидела синий «опель» своего мужа Олега! В первый момент Вера даже рассердилась. Сам сказал, что вернется поздно, она как полная дура болтается по улицам, уже в сосульку превратилась, а он, оказывается, давно дома в тепле и покое. Но потом Вера обрадовалась. Сейчас она поднимется и все расскажет Олегу, он ее муж, он должен ей помочь. В конце концов, ей больше просто не к кому обратиться за советом.

Олег открыл дверь мрачный и хмурый.

– Где ты ходишь? – спросил он сердито, не утруждая себя приветствием. – Пришел человек с работы, в доме шаром покати, жена где-то шляется...

Вере тотчас захотелось прояснить ситуацию, уточнить, что был ее муженек вовсе не на работе и утомился не от трудов праведных. И что жена в таких случаях вовсе не обязана суетиться и готовить ему разносолы. Уж сидел бы и помалкивал. Или сам чего-нибудь по дороге купил на ужин, потому что Вере сейчас не до того, она совершенно забыла про свои семейные обязанности.

Веру сейчас волновало совершенно другое, так что она ре-

шила не говорить Олегу про измену, сейчас не ко времени. Она молча разделась, бросила сумку под вешалку и прошла в комнату.

– Мы что – ужинать сегодня вообще не будем? – буркнул Олег, видя, что жена и не думает бежать на кухню с виноватым видом.

– Олег! – сказала Вера звенящим голосом. – Выслушай меня, пожалуйста, мне нужно с тобой серьезно поговорить!

Надежда Николаевна встала рано, проводила мужа на работу, накормила кота и переделала остальные неотложные дела. После этого она собралась к тетке, чтобы отвезти ей ботинки. Тетка позвонила уже три раза – сначала вчера вечером, чтобы узнать, как там дела с ботинками, потом сегодня в половине восьмого, чтобы узнать, когда Надежда придет, и через два часа, чтобы страшно удивиться, отчего это Надежда еще не в дороге.

Надежда задержалась, потому что рассматривала кейс, ей очень было интересно, что же там такое находится. Однако кейс оказался с кодовым замком – такая металлическая штука с цифрами, так что открыть его не было никакой возможности.

– Бейсик, – сказала Надежда коту, который терся поблизости и пытался потрогать замок лапой, – ничего не трогай! Кейс дорогой, совсем новый, еще поцарапаешь...

Бейсик посмотрел удивленно и сделал свои самые невин-

ные глаза.

«Кто поцарапает – я? – спросил он взглядом. – Да у меня и когтей-то почти нету...»

– Ну-ну, – вздохнула Надежда, которая за десять лет научилась отлично понимать взгляды своего кота, – а кто разодрал диван в гостиной? Да у тебя не когти, а турецкие ятаганы!

Бейсик скромно потупился – не будем, мол, о неприятном, в жизни всякое может случиться. Надежда же, вспомнив про диван, в который раз ужасно расстроилась.

Вот уже больше года супруги Лебедевы жили в трехкомнатной квартире. Сын Сан Саныча с семьей – женой, сыном и сенбернар Арчибальдом – работал по контракту в Канаде. Квартира была просторная, недавно отремонтированная, Надежда быстро к ней привыкла. Но была одна забота. У невестки в гостиной стояла шикарная мягкая мебель, обитая кожей. Как только Надежда увидела эту кожу цвета кофе с молоком, она сразу же поняла, что с кожей они будут иметь множество неприятностей. Вернее, не с кожей, а со своим котом Бейсиком. Бейсик сразу же решил, что шикарный диван очень гармонирует с его рыжей шерстью, и вознамерился проводить на диване как можно больше времени. Надежда, однако, такое его решение не одобрила и даже сумела убедить в этом Сан Саныча. Сан Саныч все разрешал своему коту, но перспектива бурных объяснений с невесткой в данном конкретном случае его несколько отрезвила. Бей-

сику было запрещено появляться в гостиной, и Сан Саныч даже собственноручно приделал на дверь задвижку, потому что наглый котяра на все запрещения плевать хотел и здорово наострился открывать дверь, нажимая лапой на ручку. Однако владельцы котов прекрасно знают, что если животное что-то вбило себе в голову, то его никто и ничто не остановит. Напрасно Надежда Николаевна стерегла дверь в гостиную почище, чем цербер о трех свирепых головах стережет вход в царство мертвых! Хитрый котище, разумеется, улучил момент и проник в гостиную, а там моментально разодрал кожу на диване, действуя по принципу: не мне, так никому. К счастью, кожа оказалась пропорота не на самом видном месте, а сзади. Но Надежда все равно ужасно рассердилась и отлупила рыжего вредителя кухонным полотенцем. Кот принял наказание стоически и больше не пытался проникнуть в гостиную, теперь он сделал объектом своего пристального внимания кружевную занавеску на кухне.

Так что сейчас Надежда поскорее убрала портфель обратно в пакет, хотя прекрасно знала, что уж пакет-то ее кота не остановит. Однако ее одолевало беспокойство. Что такое может быть в этом кейсе? Деньги или важные бумаги? Скорее всего и это не самое страшное. А вдруг там какое-нибудь вредное химическое или радиоактивное вещество? И Надежда притащила его в квартиру.

Надежда представила, что сказал бы по этому поводу ее муж. Выходило, что ничего хорошего Сан Саныч бы по это-

му поводу не сказал. Все-таки она ужасно легкомысленная особа, тут муж прав! Но что ей было делать? Человек так просил, а сам находился в беспомощном состоянии, как такому отказать?

«А если в портфеле бомба? – тут же спросил Надежду ее внутренний голос. – Что тогда делать?»

У Надежды Николаевны были с ее внутренним голосом не слишком хорошие отношения, она считала, что ее голос – перестраховщик и зануда, что он всегда просыпается в самых неподходящих случаях, а когда она действительно попадает в сложную ситуацию, то голос обычно молчит как рыба об лед. Внутренний голос же, надо полагать, уже смирился с мыслью, что ему Надежду не перевоспитать, и вступал в разговор иногда просто так, по инерции.

Против обыкновения сейчас Надежда согласилась со своим внутренним голосом в том смысле, что вчера сваляла дурака, когда согласилась взять на себя заботу о неизвестном чемодане. Но человек-то просил отнести его по адресу? А в той квартире не оказалось никакой Кати.

Надежда подумала немного и сказала себе, что она не носильщик и не курьер и не нанималась носиться с чужими чемоданами по всему городу. А посему нужно заехать в больницу и отдать кейс тому типу. Надо думать, в голове у него сейчас просветлело, и он вспомнит и про кейс, и про Надежду. И сделать это нужно как можно скорее, пока рыжий пушистый террорист не добрался до вишневой кожи и не разо-

драл кейс в ключья. Ишь как смотрит умильно, знаем мы вас, как вы когти в ход пускать умеете!

Надежда сунула сверху в пакет коробку с теткинскими ботинками и подошла к входной двери. Тут же раздался звонок.

– Служба дезинсекции! – послышался жизнерадостный голос из-за двери. – Уничтожение нелетающих насекомых!

– Каких? – От неожиданности Надежда сразу не поняла суть проблемы.

– Всяких! – любезно пояснил голос. – Прямокрылых, жесткокрылых, перепончатокрылых, в общем, любых!

– У нас нет никаких насекомых! – возмутилась Надежда, приоткрыв дверь на цепочку.

На площадке стояла женщина в брезентовом комбинезоне, на руках у нее были резиновые перчатки, за спиной – ранец, от которого отходил длинный шланг с наконечником, как у клизмы. Единственной незакрытой частью тела была голова. Женщина была вполне симпатичной блондинкой лет тридцати пяти, с пухлыми щеками и большим ртом.

– Так-таки и нет? – весело удивилась женщина. – Ни тараканов, ни клопов, ни жучков древесных?

– Сохрани Боже! – испугалась Надежда. – Не сглазьте!

Внезапно рядом с женщиной появилось странное создание, напоминающее собой инопланетянина. Голова была лысая и зеленая, глаза как у огромной стрекозы, вместо рта – хобот. Первой мыслью Надежды было закрыть дверь. Потом

она устыдилась своего страха и вспомнила, что все равно собралась на выход, так что не миновать ей встречи со страшилищем.

Фигура что-то сделала со своей головой, и она неожиданно откинулась в сторону. То есть не голова, а шлем, как тут же убедилась Надежда, потому что голова-то как раз была на месте – не слишком приглядная голова очень коротко стриженной брюнетки.

– Что ты, Машка, с каждой квартирой церемонишься! – сердито сказала брюнетка напарнице. – Не хотят нас слушать – и не надо! Насекомых у них, видите ли, нету! Нет, так будут!

– С чего это они будут? – ехидно спросила Надежда. – Я женщина аккуратная, уборку часто делаю, еды никакой на столе не оставляю, с чего в доме тараканам взяться? Магазина продуктового у нас внизу нет, ни кафе, ни ресторана...

– Дама! – внушительно сказала брюнетка. – Вроде с виду вы приличная женщина, немолодая даже, а такую ерунду несете – уши вянут! Мусоропровод в доме имеется? Имеется! Стало быть, там и тараканы, и крысы! О мышах и муравьях я не говорю!

При слове «крысы» Надежда схватилась за сердце, крысы она боялась, как любая женщина за редким исключением. Однако наглая брюнетка перешла уже всякие границы. Ладно бы просто разговаривала хамским голосом, к такому Надежда привыкла. Но она еще осмелилась назвать Надежду

немолодой женщиной!

«На себя бы поглядела, – злобно подумала Надежда, – сама небось тоже не девочка, сорок-то уж точно есть! А меня в старухи записывает! Тоже мне, цветочек невинный!»

Что-что, а цветочек брюнетка никак не напоминала, больше всего она была похожа на сержанта-сверхсрочника – и прическа, и голос...

Брюнетка натянула свой шлем и ушла, что-то недовольно бурча там внутри. Надежда гневно посмотрела на оставшуюся женщину и собиралась уже захлопнуть дверь, но та не дала.

– Вы знаете, она права. Вот мы сейчас мусоропровод и все в подъезде обрабатываем, и насекомые пойдут по квартирам. Нужно обязательно обработать все вентиляционные отверстия и под плинтусами.

– А у меня там везде сеточки от тараканов поставлены, так что они не пройдут! – гордо сказала Надежда и представила себя в солнечной Испании сражающейся против генерала Франко. – Но пасаран! – выкрикнула она любимые слова испанских революционеров. – Они не пройдут!

Блондинка посмотрела на нее удивленно, но, в общем, осталась спокойной, очевидно, при своей работе она и не такого наглядделась.

– Тараканы, может, и не пройдут, – миролюбиво сказала она, – а муравьи?

И Надежда тотчас смешалась. Муравьи, эти микроскопи-

ческие вредные создания, были кошмаром ее жизни в собственной квартире, так что если, не дай Бог, они заведутся в этой, то невестка, вернувшись, никогда этого Надежде не простит. Да в таком случае Надежда просто сгорит от стыда!

– Что же делать? – спросила она слабым голосом и запахнула дверь.

– Вот возьмите у нас порошок и посыпьте везде, в каждую щель. – Блондинка протягивала пакет.

– Порошок? – в ужасе завопила Надежда. – Я не могу, у меня кот! Порошок пристанет к лапам, он будет их облизывать... ни в коем случае!

– Да что вы! – отбивалась блондинка. – Вот тут написано, что для животных он безвреден!

«Ага, – подумала Надежда, – муравьев убивает, а для котов – безвреден! Так я и поверила! Сами-то вон как разделись, чтобы ничего не попало!»

– Ни за что, – твердо ответила она, – здоровье кота для меня важнее всего!

– Ну тогда возьмите вот карандаш, – блондинка протягивала небольшой цилиндр в красно-черной упаковке, – смажете им вокруг вентиляционных отверстий, туда ваш кот не достанет.

Надежда подумала, что для ее кота Бейсика нет никаких преград, но перед ней встало рассерженное лицо невестки, когда она увидит на своей чистенькой кухне противных муравьев. Надежда воочию слышала все слова, которые ска-

жет невестка, и согласилась на карандаш. Пришлось лазать по верхотуре и смазывать отверстия. В результате Надежда чуть не свалилась с табуретки, а карандаш закатился под ванну. Надежда решила там его и оставить. Время поджигало, тетка небось там уже высматривает в окно Надежду, а она еще из дома не вышла.

В лифте ее осенило, что сначала следует ехать в больницу, поскольку тетка не отпустит без чаепития, а это дело долгое. К тому же тетка обязательно заметит кейс, и тогда придется ей все объяснять, а вот уж этого Надежда очень не хотела.

Итак, через некоторое время она оказалась в маршрутке с тем же номером, что и вчера, и даже водитель был чем-то похож на вчерашнего.

– Остановите у больницы! – громко крикнула Надежда Николаевна.

Может быть, даже слишком громко, потому что сидевшая рядом с ней худенькая бледная девушка вздрогнула, но маршрутка была изнутри оклеена грозными плакатами: «Говори громче – водитель глухой», «Тише говоришь – дальше проезжаешь», «Входи тихо, плати быстро, кричи громко». Водитель затормозил, и Надежда пробралась к выходу, покосившись на еще один предупреждающий плакат: «Место для удара головой». Этот плакат и сама маршрутка вызвали у нее не самые приятные воспоминания о вчерашней аварии.

В справочном окне больницы виднелась обрюзгшая тетка

с выкрашенными в огненный цвет густыми, как пакля, волосами. Тетка громко разговаривала с кем-то по телефону.

– А стул? – спрашивала она озабоченным тоном. – Не жидкий? То есть как это не знаешь? Вообще нет? Ну ты даешь! А аппетит? Не ест? Ничего не ест? Что, даже «Китикет»? Как, даже «Вискас»?

Надежда негромко кашлянула, чтобы ненавязчиво напомнить о своем существовании. Тетка неприязненно стрельнула в нее глазами, прикрыла трубку рукой и прошипела:

– Подождите! Видите – я разговариваю! Это я не тебе! – проговорила она в трубку. – Да есть тут некоторые, которым очень не терпится! А фарш сырой пробовали давать? Как, даже фарш не ест? А филе тресковое? Ну, тогда уж точно надо ветеринара вызывать! Если тресковое филе не ест, это уж ни в какие ворота!

Выслушав ответ, тетка многословно распрощалась со своей собеседницей, повесила трубку и наконец повернулась к Надежде:

– Ну? – Поскольку Надежда Николаевна несколько замешкалась, тетка повысила голос и весьма ядовито проговорила: – То так спешим, а то так слова сказать не можем!

– Отчего же! Я хотела спросить о мужчине, которого привезли вчера около четырех часов после аварии.

– Фамилия! – рявкнула медсестра.

– Не знаю. – Надежда пожала плечами.

– А чего тогда интересуетесь?

– А вам-то какое дело? – не выдержала Надежда. – Вы обязаны справку дать!

– Обязана... – проворчала тетка, но тем не менее полезла в толстый журнал. – Утра или вечера?

– Что? – переспросила Надежда.

– Поступил в четыре утра или в четыре вечера?

– Вечера, конечно... какие же маршрутки в четыре утра?

– На пенсию пора, – вполголоса пробормотала тетка, листая журнал, – а все мужчинами интересуются!

– Это вы о ком? – ледяным голосом поинтересовалась Надежда.

– Не о вас. – Тетка поняла, что переборщила, и поджала хвост. – Вот он, – она нашла наконец нужную запись, – больной Кулик, вторая хирургия, седьмая палата... только сейчас к нему нельзя. Состояние средней тяжести, постоянного пропуска к нему нету, так что приходите после четырех... А сейчас все равно не пустят.

– Я вещи его принесла. – Надежда Николаевна приподняла пакет с надписью «Севзапмолоко», в котором скрывался от посторонних глаз вишневый кейс Кулика. Кстати, Надежда подумала, что пострадавшему пассажиру удивительно подходит эта пернатая фамилия. Он был такой хрупкий и нездоровый...

– Вещи отдайте на склад, – равнодушно проворчала тетка, снова берясь за телефон.

Обращаться к ней за дополнительными уточнениями бы-

ло небезопасно, поэтому Надежда спросила о местоположении склада пробежавшего мимо бородатого мужчину в зеленом халате.

— В подвале, — ответил тот, махнув рукой вперед по коридору, и исчез в облаке пыли, как гоночный мотоцикл.

Надежда пошла в указанном направлении. Больничный коридор произвел на нее гнетущее впечатление: освещенный ярким голубоватым светом люминесцентных ламп, он выглядел особенно бедно и запущенно, каждая дырка на допотопном линолеуме бросалась в глаза. Навстречу попадались подозрительные личности со следами свежих травм и ушибов, заросшие трехдневной щетиной и облаченные в драные пижамы с черными больничными печатями. Причину такого внешнего вида пациентов она поняла, увидев на одной из дверей надпись: «Травматология».

Видимо, сюда привозили по «скорой» пострадавших в пьяных драках и других подобных происшествиях.

Наконец, когда Надежда уже подумывала, не повернуть ли назад, она увидела многообещающую табличку: «Склад. Оздоровительный центр „Березка“».

Сочетание было какое-то странное, но Надежда продолжила движение в прежнем направлении. Вскоре она увидела дверь, на которой заливчатой славянской вязью было выведено: «“Березка”. Сауна, бассейн, расслабляющий массаж».

Ниже, уже без завитушек, было приписано: «Склад. Без

документов не приходить».

«Интересно, что имеется в виду под расслабляющим массажем?» – подумала Надежда Николаевна, толкнув дверь.

Она оказалась в просторном холле, выложенном дорогой полированной плиткой и уставленном низкими кожаными диванами. После рваного линолеума, которым были покрыты полы в больничном коридоре, эта роскошь выглядела как-то неубедительно. Одна из дверей, выходящих в холл, открылась, из нее вышел огромный, как платяной шкаф, мужчина с выбритой наголо головой. С двух сторон его поддерживали две пухленькие девушки в коротких белых халатах, на фоне этого «шкафа» казавшиеся особенно маленькими.

«Массажистки», – догадалась Надежда.

Одна из девиц окликнула ее:

– Женщина, а вы куда? Вы же видите – здесь коммерческий оздоровительный центр!

– Вижу, – охотно отозвалась Надежда, – а мне нужен склад!

– Ах склад! Это вон там, внизу, – девица указала на дверь в углу холла, – только голову берегите!

Уместность последнего замечания Надежда поняла сразу же, как только спустилась по лестнице и оказалась в длинном подвальном коридоре. Потолок в этом коридоре был такой низкий, что Надежда едва не задевала его головой, да еще время от времени его пересекали металлические балки, о которые, зазевавшись, можно было здорово расшибить лоб.

«Интересно, – думала Надежда Николаевна, в очередной раз пригибаясь, – если даже я, при своем не слишком большом росте, здесь прохожу с трудом, как здесь перемещаются высокие мужчины?»

Этот вопрос остался без ответа. Пройдя по коридору метров двадцать, Надежда наконец увидела на двери надпись: «Склад».

За этой дверью оказалась перегородка с широким столом, как в камере хранения. По ту сторону перегородки коренастая женщина в несвежем халате рылась в большой кожаной сумке. Услышав шаги Надежды, женщина вынырнула из сумки, торопливо застегнула молнию и повернула к двери личико с вороватыми, бегающими глазками.

– Что вам, женщина? – спросила она неприятным льстивым голосом. – Сдать или получить?

– Ничего, – резко ответила Надежда.

Ей отчего-то расхотелось отдавать этой вороватой личности дорогой кожаный кейс. Сам-то чемоданчик немало стоит, а судя по тому, как волновался из-за него Кулик, содержимое должно быть еще дороже... А тут к чужому имуществу относятся, судя по всему, без всякого почтения! Проще говоря, попрет тетка кейс вместе со всем содержимым и в два счета докажет потом Кулику, что никто ей ничего не сдавал. И Надежда будет иметь бледный вид, еще на нее подумают.

– А если ничего, так зачем тогда пришли? – спросила кладовщица. Льстивые нотки испарились из ее голоса, но при-

ятнее он от этого не стал.

– Дверью ошиблась! – весьма нелюбезно ответила Надежда Николаевна и отправилась в обратный путь.

По всему выходило, что придется ей возвращаться в больницу после четырех часов и отдать кейс больному Кулику в собственные руки. Истинно говорят, вздохнула Надежда, что ни одно доброе дело не остается безнаказанным! Вот проявила вчера человеколюбие, согласилась взять кейс, так теперь носись с ним по всему городу как с писаной торбой!

Вера открыла глаза и недоуменно уставилась на потолок. Потолок был не тот, который она привыкла видеть, просыпаясь. У нее в комнате ржавое пятно на потолке с левой стороны дивана, а здесь – с правой. И само пятно не такое. У Веры оно напоминает двугорбого верблюда, который долго и размеренно идет по пустыне, то есть по потолку. Здесь же пятно было гораздо больше и похоже на карту какого-то материка, кажется Африки... Вера повернулась и поняла, что диван тоже не тот. Скрипят пружины, и пахнет пылью и еще чем-то неуловимо знакомым и приятным. Вера села на диване, потрясла головой и наконец вспомнила все. Она сегодня спала в бабушкиной комнате, на бабушкином старом, продавленном диване. И пахло здесь бабушкиной любимой лавандой. Она прокладывала шелковыми мешочками с сушеной лавандой белье в шкафу, полотенца и шерстяные вещи. Эти мешочки назывались забытым словом «саше». Бабуш-

ки нет уже больше двух лет, а Вера все никак не может выбросить ее вещи. И даже отдать кому-то жалко. Так и висят в шкафу старенькие платья и вязаная шаль. В ящике стола бабушкины очки, записная книжка, какие-то ненужные уже теперь документы, Вера никак с ними не разберется.

Вера встала и босиком подошла к окну, чтобы раздернуть плотные занавески. Пахнуло пылью, и на улице было непривычно светло. Вера взглянула на часы – так и есть, она проспала! Одиннадцатый час, а на работу ей к половине десятого! Впрочем, какая уж теперь работа... Вера прислушалась. В квартире царила абсолютная тишина. Олег давно ушел на работу. Как только в голове всплыло имя мужа, Вера скривилась, как будто проглотила сразу половинку лимона без сахара. Она осторожно высунула голову в коридор. На вешалке не висела курка Олега, а под зеркалом отсутствовали ключи от машины. Вера приободрилась и направилась в ванную. Не то чтобы она боялась встречаться с мужем. После того как она стояла вчера в Катиной квартире над телом мертвой подруги, Вера поняла, чего на самом деле нужно бояться, просто сейчас ей ужасно не хотелось видеть Олега. Вчера они так продуктивно пообщались, Вере хватит надолго.

Вчера вечером муж встретил Веру ужасно злой. Еще бы, жена пришла позже его, да еще и не приготовила никакой еды. Вера, конечно, знала первый постулат каждой замужней женщины: пока не накормишь супруга до отвала, нечего и думать приставать к нему с любой, даже самой малюсенькой

просьбой. Но в данном случае речь шла не о просьбе, а о спасении ее, Вериной, свободы, а может быть, даже и жизни. Да честно говоря, все постулаты вылетели у Веры из головы.

– Олег! – сказала она звенящим голосом, войдя в комнату. – Выслушай меня, пожалуйста, мне нужно с тобой серьезно поговорить!

– Это нельзя сделать позже? – спросил Олег недовольно. – Может, сначала поедим? Хоть пельменей сварим...

Он терпеть не мог пельмени, говорил, что ими только дешевую водку закусывают, и то не нормальные мужчины, а брошенные женами алкоголики. Так что Вера пельмени никогда не покупала и сейчас мимоходом удивилась, с чего это ее муженек так оголодал, что даже на пельмени согласен. Но она тут же отогнала эту несвоевременную мысль.

– Олег, – устало сказала она, опускаясь на диван, – у меня огромные неприятности.

– В твоем музее украли ночной горшок писателя Панаева? – язвительно осведомился он. – Или бюстгальтер его жены? Хотя тогда, кажется, бюстгальтеров не носили... Тогда, значит, панталоны?

– Не ерничай, мне сейчас не до этого! – отмахнулась Вера. – Дело в том, что я была сегодня в доме семнадцать по улице Фиолетова...

Она подняла глаза на мужа и оторопела, до того изменилось его лицо. В глазах его только на миг мелькнул страх, который тут же сменился самой настоящей злостью. Лицо по-

краснело, подбородок затрясся.

– Что?! – вскрикнул Олег не своим, севшим голосом. – Ты была там? Кто тебе дал этот адрес?

– Никто. – Вера несколько растерялась от такой его реакции.

Она думала, что муж смутится, начнет оправдываться, и тогда она отмахнется от его оправданий и скажет, что это сейчас не важно и что они разберутся с вопросом его измены позже, потому что сейчас нужно заниматься совершенно другими делами, нужно спасать ее, Веру.

– Это Милка тебе наболтала, да? – не слушая, спрашивал Олег. – И ты ей поверила, да? Да если хочешь знать, она сама на меня виды имела, так что ей просто маслом по сердцу – меня заложить!

– Какая Милка? – сама того не желая, закричала Вера. – Я знать не знаю никакой Милки!

– А от кого ты узнала? – торжествующе спросил Олег. – Только от Милки, больше не от кого! Ух, я добыюсь, что ее уволят! Надоела, стерва, донельзя!

Вера поняла, что если она сейчас же не уведет разговор от неизвестной Милки, то не выдержит и разрыдается.

– Успокойся, – сказала она, – Милка тут ни при чем, я видела тебя с женщиной у бистро «Мурена»...

– А! – Он несколько просветлел лицом и с облегчением перевел дыхание. – Так бы сразу и говорила! Так это же клиентка была, она большой заказ сделала, ну я пригласил ее на

ленч. Так полагается, понимаешь? Положение обязывает!

– Положение обязывает... – протянула Вера и посмотрела на мужа.

Под ее взглядом до него, очевидно, дошло, что Вера видела его с дамой у дома на улице Фиолетова, стало быть, знает, что дама эта никакая не клиентка и обед с ней имел потом продолжение. Хотя и не сразу, но муж понял, что оправданиями делу не поможешь. Как известно, лучшая оборона – это наступление. Олег тут же привел себя в боевое состояние. Снова щеки его стали малиновыми от злости, глаза загорелись. Он подошел к столу и с размаху стукнул по нему кулаком.

– Выследила? – прошипел он. – Подслушивала, кралась следом, ползла по-пластунски, подглядывала в замочную скважину? Добилась своего, вывела мужа на чистую воду! Рада теперь?

Вера вытаращила глаза в полном удивлении. С чего это ей радоваться? С того, что муж изменил?

– А ты спросила, почему я это сделал? – гремел Олег. – Ты поинтересовалась, отчего твой муж поглядел на другую?

Вера хотела сказать, что ей это совершенно неинтересно, что сейчас ее волнуют совершенно другие проблемы, она и начала-то этот разговор с другой целью. Но муж уже вошел в раж, он пер на нее, как танк на блиндаж, и остановить его мог только героический боец с противотанковой гранатой, но никак не скромная сотрудница музея Панаева.

– Как мне обрыдло тут все! – орал Олег, бегая по комнате. – Как осточертело! Пыль кругом, бумажки всякие, старые кастрюли! Готовить не умеешь, вечно то недосолено, то недожарено! Завтрака не допросишься, уже привык, так еще и ужином не кормят!

Против воли Вера хотела включиться с ним в полемику. Как это – завтрака не допросишься? Да она только и делает, что по утрам готовит ему завтраки! Из-за этого на работу опаздывает! Вера вспомнила, как она утром мечется по квартире, а из ванной выходит аккуратно одетый, вымытый и выбритый Олег и с удовольствием втягивает носом запах свежесваренного кофе. Вера ненавидит запах кофе, у нее каждый раз от него тошнота подступает к горлу. Ну что делать, такая особенность у ее организма, но ведь она преодолевает себя! И действительно в квартире очень много книг, причем не детективов в глянцевых ярких обложках, а старых, из бабушкиной библиотеки, на них оседает множество пыли. И письменный стол у Веры забит бумагами, причем все нужные, Вера потихоньку собирает материал для диссертации и уже написала несколько статей в литературные журналы... И если муж уж так недоволен старыми кастрюлями, то взял бы и подарил Вере на день рождения набор новых и блестящих! Пускай не «Цептер», если уж очень дорого, хотя почему бы и не «Цептер»? А Олег, между прочим, вообще не сделал ей никакого подарка, даже цветов не принес, просто сунул сколько-то денег и сказал, чтобы она сама ку-

пила бы себе что хочет. Она много чего хотела, но больше всего хотела бы, чтобы он сам выбрал ей подарок. Вера тогда отогнала от себя мысль, что он просто-напросто забыл про ее день рождения и вспомнил о нем, только когда увидел на столе праздничный торт. А пока Вера прикидывала, что бы ей себе купить, кончились деньги на хозяйство, и пришлось тратить подарочные. Так и осталась она без подарка.

Вера очнулась от своих мыслей и посмотрела на мужа. Он по-прежнему бегал по комнате и орал, некрасиво брызгая слюной. Глядя на него отстраненным взглядом, Вера вдруг заметила, какой он противный. Волосы растрепаны, глаза выпучены, рубашка вылезла из брюк. Лоб мокрый от пота, он вообще часто потел. Вера тут же опомнилась. Ведь это ее муж, ее Олег, как же она может так думать! То есть, конечно, он вел себя ужасно, но не далее как сегодня утром Вера смотрела на этого человека с обожанием и готова была все для него сделать, даже варить ненавистный кофе! И в конце концов, должна же она поговорить с ним о своих неприятностях!

Вера прислушалась к тому, что орал муж. Оказывается, все это время он со вкусом перечислял ее недостатки. Сначала говорил, что она неряха и никудышная хозяйка, потом перешел к внешним данным.

– Одеваешься как домработница! – гремел он, как председатель колхоза с трибуны, сообщающий о высоких надоях. – Это твое пальтишко – видеть его не могу! Стыдно с друзьями

познакомить, не жена, а выдра облезлая! Мыши музейные и то, наверное, лучше выглядят.

– Олег! – не выдержала Вера. – Я хотела говорить совсем не об этом!

– А я – об этом! – орал он. – Ты на себя когда в последний раз в зеркало смотрела? Помада эта пороссячьего цвета – тьфу! – Он смачно плюнул на пол.

Такого Вера уже не могла вынести.

– Прекрати немедленно! – закричала она. – Как ты себя ведешь? Опомнись, Олег!

– А что? – издевательски захохотал он. – Пожуришь меня? Оставишь без сладкого? В угол поставишь?

– Дурак! – выпалила Вера. – Дурак и хам!

– Ах нам не нравится! – буркнул он. – Если я дурак, то ты – интеллигентка недоделанная! У вас в вашем музее все такие, мешком по голове стукнутые!

Вот так-то. Вера так давно ждала от него этих слов, что сейчас даже не удивилась. Наоборот, все сразу же встало на свои места. Муж ее терпеть не может, это ясно, иначе разве стал бы он произносить такие ужасные слова? Он давно ей изменяет, потому что разлюбил ее. Да что это она, он никогда ее не любил.

– Скажи, Олег, – тщательно подбирая слова, спросила она, – если ты так меня ненавидишь, зачем же тогда на мне женился? Разве я вешалась тебе на шею?

Он тут же замолчал, даже остановился резко, как будто

наткнулся на невидимую преграду. Посмотрел осмысленно, потом пожал плечами, как бы удивляясь, что это на него нашло.

– Не можешь ответить? – настаивала Вера. – Сам не знаешь?

Муж отвел глаза, потом вообще отвернулся. Вера поняла, что на сегодня их разговор окончен. Внезапно она ощутила, как ужасно, просто нечеловечески устала за сегодняшний день. Столько всего произошло, так еще и дома покоя нет. Нужно срочно лечь в постель, иначе она просто упадет на пол и не сможет подняться. Но она и представить себе не могла, что проведет эту ночь в одной постели с мужем. Для начала он просто не даст ей лечь, он голоден и зол, поэтому жаждет продолжить скандал и не успокоится, пока не поест. У Веры же совершенно нет сил, а главное – желания готовить еду, и сидеть с ним за одним столом тоже нет никакого желания. И вообще, если откровенно, то ей противно сейчас на него смотреть. И дело не в его отвратительных словах. Если бы такое от собственного мужа Вера слышала сегодня утром, она бы немедленно повесилась. Или бросилась под первый попавшийся грузовик, чтобы уж точно насмерть. Но за день все изменилось. Вера точно знает, что этот тип, стоящий напротив, ничем ей не поможет – ни советом, ни делом, а стало быть, не о чем с ним разговаривать, все и так ясно.

Вера достала из шкафа стопку чистого постельного белья и отнесла в бабушкину комнату. Олег только хмыкнул, но

ничего не сказал. Последнее, что видела Вера, перед тем как закрыть дверь, было сердитое лицо мужа. Он пил на кухне чай и ел булку с маслом, причем резал батон не поперек, как все люди, а вдоль, чтобы бутерброд получился огромный. Вера придвинула к двери тяжелый бабушкин комод, легла и сразу же провалилась в сон, даже не успев удивиться по этому поводу.

Стоя под душем, Вера вспоминала вчерашний разговор с мужем. Точнее, это был не разговор, а самый настоящий скандал. Вера вспомнила, как он орал ужасные вещи, и передернулась, как будто из крана текла ледяная вода. Не может быть, чтобы он так думал на самом деле, просто очень рассердился, сказала она себе. Но с другой стороны, это Вера должна была сердиться и орать на него, не помня себя, а его-то с чего так разобрало?

Вера вытерлась махровым полотенцем и стала разглядывать себя в зеркало. Конечно, она очень худая и бледная даже после горячего душа, но никакого особенного уродства на лице не наблюдается. И в конце концов, она была такой всегда, за время замужества несколько не изменилась, только еще больше похудела, потому что забот прибавилось. Вот именно, забот стало больше, а радости... Если не брать в расчет те постельные радости, которые Олег доставлял ей изредка – кстати, не слишком часто, – то картина получается неутешительная. Они очень редко куда-нибудь ходят вместе.

Вера любит театр, Олег же всегда морщится, когда она перечисляет ему имена актеров. Еще Вера ходит на выставки и на встречи с разными писателями, им в музей часто присылают приглашения. Один раз она сделала попытку приобщить мужа к культуре, они пошли на творческий вечер Вериного любимого поэта. Во время чтения стихов Олег зевал, ничуть не стесняясь, потом стоял как столб со скучающим выражением на лице и оживился, только когда всех пригласили на фуршет, да и то потом выговаривал Вере, что стол был бедноват и спиртного мало.

Кстати, сам он довольно часто ходит в рестораны с компаньонами и на корпоративные вечеринки, но Веру никогда туда не берет.

Он никогда не помогает Вере по хозяйству, ни разу не принес домой ни торт, ни бутылку вина, ни коробку конфет, ни фруктов – так просто, чтобы порадовать жену. И денег на хозяйство дает очень мало, Вере приходится выкручиваться, оттого и не так все вкусно, как могло бы быть.

Что касается одежды, то она и сама знает, что одевается очень бедно, не полная же она дура. Есть у нее вкус, тут Олег не прав, просто денег нет. Именно поэтому она не покупает одежду на рынке – там все такое ужасное, аляповатое... А на то, что нравится, нет денег... И времени тоже нет, Вера не хочет бросать свои научные занятия. Олег же относится к ее деятельности насмешливо, вечно отпускает нелестные замечания. Если на то пошло, Вера и сама не хочет знакомиться с

его друзьями, она знает, что ей будет с ними скучно. Да и не друзья это, а так, приятели. Друзья – это когда с детства знакомы, близко друг друга знают. Может, и есть у Олега такие друзья, но они далеко, остались в другом городе, откуда Олег родом. Или рассеялись по стране – кто-то в Москве, кто-то еще где-то. А если Олег ее стыдится даже перед случайными знакомыми, то зачем тогда женился? Неужели только из-за того, что ему было негде жить?

Вера вспомнила то время, когда они познакомились. Она тогда никак не могла оправиться после смерти бабушки, ей было ужасно одиноко в пустой квартире. Ей показалось, что Олег послан ей в утешение, что это знак, что с ним у нее начнется новая светлая жизнь...

Верины грустные мысли прервал телефонный звонок. Звонила Валечка из музея.

– Верка, что с тобой стряслось? – спросила она трагическим голосом. – Наша-то икру мечет, что твой лосось!

«Нашей» Валечка называла начальницу Анну Ивановну Укропову.

– Ты ей вчера наврала, что в подвал идешь Анатолию помогать, и свалила с концами! – надрывалась Валечка. – Этот паразит тебя сдал тут же! Слушай, что мы такую сволочь на работе держим, а?

На такой риторический вопрос Вера не ответила.

– В общем, Анна-Ванна вышла из берегов, а сегодня ты вообще не пришла. Что ей сказать-то?

– Скажи, что я заболела, умерла, поменяла местоительство и заодно сексуальную ориентацию! – крикнула Вера. – Теперь буду набрасываться на нее в кабинете!

Валечка охнула и с испугу положила трубку.

Между утренним и вечерним посещениями больницы Надежда провела время весьма продуктивно. Она посетила тетку и наконец избавилась от тяжелой коробки с ортопедическими ботинками. Ботинки тетке, разумеется, не понравились, но Надежда так грозно на нее посмотрела, что тетка поджала губы и пробормотала, что можно попробовать поносить, хотя у нее такое чувство, что нога не в ортопедическом ботинке, а в «испанском сапожке». Потом они долго пили чай и рассматривали старые фотографии, попутно разобрали шкаф, и Надежда собственноручно вынесла на помойку теткино старое барахло. Около трех Надежда собралась уходить, нужно было успеть в больницу. Она подхватила полегчавший пакет «Севзапмолоко» и поскорее ретировалась, чтобы тетка не успела спросить, что такое интересное у нее в пакете.

– Остановите возле больницы! – крикнула Надежда Николаевна.

Эта маршрутка, и этот перекресток ей уже порядком поднадоели за последние дни. Водитель кивнул и вырулил в правый ряд.

– К мужу? – сочувственно спросила Надежду сидевшая

рядом с ней унылая полная женщина лет пятидесяти, бросив взгляд на большой пакет.

– Нет, к любовнику, – сердито ответила Надежда и двинулась к выходу.

Она была очень недовольна собой. Внутренний голос подсказывал ей, что и в это посещение больницы ей не удастся избавиться от проклятого кейса. И хотя, как уже говорилось, Надежда не слишком-то дружила со своим внутренним голосом, но в некоторых случаях признавала за ним кое-какие пророческие способности.

В справочном окошке сидела прежняя тетка с огненными волосами. Она разговаривала по телефону, и Надежда подумала, что продолжается тот же разговор по поводу несчастного заболевшего кота, начало которого она застала утром, однако, прислушавшись, поняла, что ошиблась, во всяком случае, тема была другая, хотя и не менее волнующая.

– Козел, – говорила рыжая, – ну понятное дело, козел. А как же? Все они козлы... мой-то покойник уж на что хороший был человек, а тоже натуральный козел! А ты его не корми! А вот так – не корми, и все, сразу шелковый станет!

Надежда Николаевна встала перед самым окошком и уставилась на тетку немигающим взглядом. Видимо, у нее были какие-то способности к гипнозу, потому что рыжая беспокойно пошевелилась и спросила, отстранившись от трубки:

– Женщина, вам что?

– Справку, – ответила Надежда и ткнула пальцем в над-

пись над окошком: – Это ведь справочная, или надпись осталась от старых хозяев?

– Вы же видите, что я разговариваю... Неужели нельзя подождать!

– Боюсь, это затянется на несколько месяцев, – озабоченно ответила Надежда, – а у меня нет зимних вещей.

– Умные все стали... – недовольно проворчала сестра.

– По-моему, как раз не все, – мгновенно отозвалась Надежда, – в этом-то и беда...

– Я тебе позже перезвоню, – проговорила рыжая в трубку, – тут какая-то сильно умная явилась... – И она наконец повернулась к Надежде: – Ну?

– Больной Кулик, вторая хирургия, седьмая палата, – бодро рапортовала Надежда, – могу я его посетить?

– В приемные часы – можете, – хмуро отозвалась сестра и полезла в свой журнал, – а в неприемные – не можете...

– Но сейчас-то как раз приемные, – не отступала Надежда.

– Приемные, приемные... – тетка вела пальцем по странице, – только в седьмой палате его нету...

– А куда же он делся?

– В третью перевелся, коммерческую, одноместную... богатый, получается, ваш Кулик... в общем, идите на седьмой этаж, там спросите.

Надежда двинулась по коридору к лифтам. Вслед ей донесся недовольный голос рыжей медсестры:

– Богатые, в коммерческих палатах лежат, а чтобы рабо-

тающему человеку коробку конфет принести – это их нету!

– Ну и порядочки! За хамство еще ей конфеты! – проворчала себе под нос Надежда и нажала кнопку лифта.

Лифт гроыхал где-то наверху, то останавливался, то снова ехал, но никак не желал спуститься вниз. Надежда со своей стороны не хотела тащиться пешком на седьмой этаж с тяжелым кейсом, и решила переупрямить наглый лифт. Наконец ее упорство дало результаты, и двери кабины с недовольным скрипом раскрылись перед ней. Внутри уже стояло человек пять пассажиров, они потеснились, и Надежда вошла. Однако когда она хотела нажать на кнопку седьмого этажа, выяснилось, что лифт идет только до пятого.

– А как же выше? – спросила Надежда толстого дядечку в полосатой пижаме с добродушной, отзывчивой физиономией.

– Поднимаетесь до четвертого, проходите налево по коридору, там будет еще один лифт, вот он уже идет на седьмой, – охотно пояснил полосатый, – только не проедьте до пятого, там нет коридора!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.